

Гурский Василий Леонидович

Институт жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси, г. Минск

vhurski@yandex.by

Клименко Валерий Адамович

Исполнительный комитет СНГ, г. Минск

vak_@tut.by

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФЕРЫ В ЕАЭС И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПЕРЕХОДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА¹**

Аннотация. Показана роль ЕАЭС в технологических обменах между странами-участниками союза. Проанализировано взаимодействие стран-участниц ЕАЭС, влияющее на развитие технологических трансферов. Раскрыты возможности и перспективы влияния технологических трансферов в ЕАЭС на новое качество экономического роста в Республике Беларусь.

Ключевые слова: трансфер технологий, ЕАЭС, новое качество экономического роста, экономическая интеграция, инновации.

Gursky V. L.

Institute of Housing and Communal Services
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Klimenko V. A.

CIS Executive Committee

**TRANSFER OF TECHNOLOGY IN THE EAEU AND THE PROSPECTS OF
TRANSITION OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO THE NEW QUALITY
OF ECONOMIC GROWTH**

Abstract: The role of the EAEU in the technological exchanges between the member countries of the union is shown. The interaction of the EAEU member

---

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения гранта БРФФИ № Г16Р-002 от 29.04.2016 г. «Трансфер технологий в ЕАЭС в контексте формирования устойчивого экономического роста инновационного типа в Беларуси и России».

countries affecting the development of technological transfers has been analyzed. Opportunities and prospects of the impact of technological transfers in the EAEU on the new quality of economic growth in the Republic of Belarus are revealed.

Keywords: transfer of technology, EAEU, new quality of economic growth, economic integration, innovation.

За последнее десятилетие в каждой из стран-участников ЕАЭС созданы основы национальной инновационной системы. Вместе с тем каждая из национальных инновационных систем Беларуси, России, Казахстана, Армении и Киргизии имеет свои особенности, которые характерны для определенного этапа развития НТП и проводимой в этих странах инновационной политики. Также наблюдаются определенные концептуальные и методологические расхождения в реализации политики технологических обменов государств. Несмотря на то, что в рамках СНГ и Союзного государства Беларуси, и России было принято ряд модельных законов и программ, тем не менее, существуют различия как в теоретических подходах, так и практической их реализации. Инновационная инфраструктура стран-участников ЕЭП может быть в значительной степени интегрирована посредством создания межгосударственных программ и соответствующих институтов (субъектов), а нормативная правовая база инновационного развития синхронизирована на основе единых принципов и механизмов ее формирования. При этом особое значение приобретает формирование межгосударственного трансфера технологий, призванных улучшить качество экономического роста в странах-участниках, ускорить переход их к новейшим технологическим укладам.

В. Ф. Байнев и В. Т. Винник подчеркивают, что «в XXI веке сохранить свой экономический суверенитет смогут лишь те страны, которые в ближайшие годы завершат формирование V-го технологического уклада и перейдут к активному освоению новейших технологий» [1, с. 136]. Вместе с тем уже сегодня в рамках четвертого и пятого технологических укладов важнейшим условием достижения и сохранения высокой конкурентоспособности национальных

экономик и коммерческих организаций является способность обеспечения непрерывности процесса создания и внедрения инноваций. «Поскольку смена технологий все более ускоряется, а получение их из-за рубежа становится все более проблематично (страны не хотят делиться своими технологическими преимуществами с потенциальными конкурентами), то возникает необходимость постоянного совершенствования механизмов быстрого и эффективного трансфера знания от организаций одного звена инновационного процесса другому, совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний» [2, с. 38]. Таким образом, технологическое обновление стало фактором, определяющим новое качество и устойчивость темпов экономического роста.

В целом «в результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления» [3, с. 14], и в частности, до настоящего времени проблема международных технологических трансферов исследована меньше всего. Не последнюю роль в этом сыграла идеологическая предвзятость либеральных экономистов, сводящих проблему международного перемещения технологий к только отсутствию в развивающихся странах рыночной свободы и адекватной этому институциональной среды. Очевидно, что подобного рода упрощение затрудняет объективное рассмотрение экономических явлений вообще и международного трансфера технологий в частности. Ранее С. Ю. Солодовников писал по этому поводу, что «существует гносеологическая необходимость рассматривать социально-экономические институты (рынок, общественно-функциональные инновации, инновационная деятельность и т.д.) как на социальные инструменты, позволяющие более или менее успешно облегчать жизнь людей – снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без вне исторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения инновационного инструментария в экономической системе общества во взаимоувязке с глобальными и национальными цивилизационными

тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой...» [4, с. 5].

К. Перес удалось путем диалектического снятия противоречий в теоретических взглядах сторонников длинных волн Н. Кондратьева решить проблему происхождения задержек в распространении технологий по всему миру. Напомним, что Н. Кондратьев писал, что «большие циклы важнейших элементов экономической жизни имеют международный характер, причем в отношении европейских капиталистических стран периоды этих циклов близко совпадают» [5, с. 370]. Далее названный автор подчеркивал, что «на основании приведенных данных можно утверждать, что последнее положение имеет силу и для США. Однако это не мешает думать, что в динамике развития капитализма этой страны, и в частности в период колебания ее динамики, имеются и свои особенности» [5, с. 370].

К. Перес пишет, что каждая новая технологическая парадигма «распространяется волнообразно: от сектора к сектору через индустриальную структуру, и географически в каждой стране и во всем мире» [6, с. 96]. При этом любая технологическая революция начинает проявляться «с группы основных отраслей промышленности, обычно задействуя некоторые источники энергии или другие универсальные ресурсы, новую инфраструктуру и несколько главных продуктов и процессов» [6, с. 96]. После чего революционные технологические изменения видоизменяют и основные отрасли. В результате чего, как справедливо подчеркивает К. Перес, «формируется интерактивная система с очень высоким уровнем синергии и эффективной обратной связью. Это способствует улучшению понимания элементов парадигмы и восприятию их как хорошо проверенных все более широким кругом отраслей и занятий. Таким образом усиливаются внешние эффекты (экстерналии) и снижаются издержки приспособления парадигмы ко все новым видам деятельности, и, поскольку институциональные условия становятся благоприятными, все составляющие экономики в рамках своих инновационных траекторий постепенно настолько осваивают парадигму, что она начинает восприниматься как «естественный

путь» для выгодной, эффективной и результативной работы» [6, с. 96]. Следует обратить внимание на очень важное и справедливое замечание цитируемого автора о том, что институциональные условия становятся благоприятными после приспособления новой технологической парадигмы ко все новым видам деятельности, а не наоборот. Вопреки широко развитому мнению среди отечественных либерально настроенных экономистов технологическая модернизация не происходит после проведения радикальных институциональных преобразований, а наоборот, соответствующие новейшему технологическому укладу новые институты зарождаются и зреют под воздействием объективных технико-экономических процессов, естественным образом эволюционно подстраиваясь под эти процессы.

К. Перес категорически заявляет, «... что «чудеса» синергии, интенсивного роста и процветания, которым дает ход каждая технологическая революция, переносятся на все более дальние области, от наиболее развитых областей к наименее развитым. Такой процесс можно рассматривать как проявление всеохватывающей мировой конвергенции с заключительным этапом в виде распространения данной парадигмы, хотя к тому времени обнаруживаются расхождения ведущих стран под влиянием следующей технологической революции и начала становления ее элементов. Это вскоре должно свести на нет некоторые преимущества, достигнутые на периферии» [6, с. 96]. Таким образом, становится видна методологическая, теоретическая и практическая несостоятельность концепции «догоняющего развития», поскольку при ее последовательном применении страна становится на путь консервации своего места технологической и экономической периферии, а значит уровень благосостояния ее населения всегда будет существенно ниже, чем в странах технологически развитых. Последнее обстоятельство будет способствовать усилению трудовой миграции из стран технологической периферии в страны лидеры, что также будет ухудшать конкурентные возможности страны, ставшей на путь «догоняющего развития» за счет «утечки мозгов», миграции из нее квалифицированных рабочих и талантливой молодежи. Т. В. Кузьмицкая

отмечает по этому поводу, что отток трудовых мигрантов за границу «хотя и не оказывает сильного влияния на уменьшение численности населения страны, негативно сказывается на возрастной структуре населения, так как работать за границу выезжают преимущественно молодые трудоспособные кадры, и на профессионально-квалификационной структуре населения, так как в результате миграции происходит замещение работников с высоким уровнем образования и квалификацией менее образованными и квалифицированными работниками» [7, с. 232–233]. Таким образом, использование варианта «догоняющего развития» может применяться развивающимися странами, странами с переходной экономикой, только как относительно не продолжительный этап адаптации к новым экономико-технологическим тенденциям международных экономических отношений.

В пользу последнего умозаключения выступает и тот факт, что текущая технологическая волна «... в каждой своей фазе, вероятно, будет иметь во многом схожий характер» [6, с. 100], но «поскольку главной особенностью нынешнего века информации является создание глобальной экономики, то производственные и торговые сети с самого начала инсталляционного периода стали распространяться и в ведущих и в периферийных странах, – пишет К. Перес. – Такая особенность, вероятно отличает эту волну от всех предыдущих с точки зрения ее распространения от ведущих к остальным странам» [6, с. 100]. Названная особенность новой технологической парадигмы, то, что ее распространение предполагает длительное сосуществование перехлестывающихся кондратьевских волн и отсутствие автоматизма в распространении новых технологий от центра к периферии, свидетельствуют о решающем значении государственной политики для привлечения зарубежных технологий и использования их в целях тотальной модернизации народного хозяйства. «Переход к постиндустриальной экономике не означает исчезновение аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных, – подчеркивает вслед за Д. Беллом С. Ю. Солодовников. – При этом постиндустриальный уклад становится

доминирующим. В итоге усложняется сложность социально-экономических процессов» [8, с. 3].

Таким образом, анализ теоретических основ трансфера технологий показывает, что без научно-обоснованной и последовательной государственной политики по участию в международных технологических трансферах Республика Беларусь не сможет перейти к новому качеству экономического роста. «Большинство стран мира активно участвуют в трансфере технологий, в том числе международном, – справедливо отмечает Л. П. Васюченко, – развитые страны занимают лидирующие позиции на мировом рынке по объему потребляемых иностранных результатов научно-технической деятельности, по величине экспортных технологических поступлений, составляющих значительную долю в структуре их платежного баланса. Для стран с переходной экономикой активное включение в процесс трансфера технологий имеет особую актуальность в связи с необходимостью повышения конкурентоспособности» [9, с. 15], которая во многом зависит от перехода экономик к новому качеству экономического роста.

В качестве наиболее общего определения нового качества экономического роста может быть использовано его определение как совокупности «свойств анализируемого во времени и в пространстве экономического процесса, которая позволяет отличать его от аналогичных процессов в прошлом посредством приобретения им новых по содержанию черт и количественных характеристик» [10]. При этом поясняется, что «новое качество экономического роста является закономерным процессом внутренних преобразований экономической системы, результатом которого становится приобретение экономическим ростом новых форм, свойств и черт на основе планомерного накопления определенного количественного задела, измеряемого как в экономических, так и социальных составляющих. Для соответствия экономической системы жестким современным критериям она должна быть способна к адаптации к новым, изменившимся условиям функционирования, стремиться к устойчивости своей жизнедеятельности, что характеризуется способностью системы сопротивляться

внешним и внутренним воздействиям» [10]. Названное определение, хотя и дает в самом общем (постановочном) плане, представление о том, что такое новое качество экономического роста, но не позволяет раскрыть социально-экономическую природу этого процесса, те политико-экономические силы, которые определяют скорость и направления протекания этого процесса. Исправить этот методологический просчет можно только на основе последовательного применения субъектного подхода в рамках политической экономии. При этом следует учесть замечание, что «дальнейший прогресс политэкономии (и, как результат, действительное возвращение ей роли методологической базы частных экономических дисциплин) возможен только при, во-первых, возвращении ей традиционного предмета изучения – отношения между социально-экономическими субъектами и, во-вторых, широкого привлечения к политэкономическим исследованиям достижения «сопредельных» наук: социальной философии, теории познания, универсальной истории, психологии, социологии и некоторых других» [11, с. 74]. Исходя из этого будем в дальнейшем придерживаться того, «что политическая экономия – это социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни» [12, с. 25].

Вместе с тем для содержательного определения категории новое качество экономического роста недостаточно только применения субъектного подхода, необходимо также по-новому посмотреть на проблему используемых при инновационном развитии факторов производства, изменения их доли во вновь созданной стоимости и конкурентоспособности продуктов и услуг. Следует отметить, что поскольку переход к новому качеству экономического роста

является закономерным процессом внутренних преобразований экономической системы, то для содержательной характеристики этого явления необходимо уточнить, в чем же заключается функциональное назначение экономических отношений. «При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью, – справедливо отмечает С. Ю. Солодовников. – Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе» [13, с. 5]. Становится очевидным, что переход к новому качеству экономического роста был вызван необходимостью дальнейшего совершенствования процесса получения человечеством необходимых вещества и энергии из природы, а важнейшей составляющей этого процесса выступает снижение транзакционных издержек. Иначе говоря, новое качество экономического роста – это не только инновационное развитие материальной базы производства, но и революционное расширение роли в социально-экономической жизнедеятельности общества общественно-функциональных инноваций. Именно за счет этого и происходит приобретение экономическим ростом новых форм, свойств и черт на основе планомерного накопления определенного количественного задела, измеряемого как в экономических, так и социальных составляющих.

Поскольку новое качество экономического роста включает в себя способность к адаптации, а это невозможно без опережающего развития новых (нематериальных и нефинансовых) экономических ресурсов, то при выявлении его (роста) категориальной специфики необходимо это учитывать. Тем более, что как отмечается в современной экономической литературе, «по критерию экономической эффективности социальный капитал может быть сопоставим

только с такими факторами производства как человеческий капитал и наука» [14, с. 32], а «функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро – и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности» [15, с. 16]. Т. В. Сергиевич справедливо замечает, что «стратегический курс на проведение новой индустриальной политики (*переход к новому качеству экономического роста – примечание В.К., В.Г.*) должен охватывать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений» [16, с. 54].

Переход к новым общественно-технологическим укладам, начинающим играть доминирующую роль в социуме, а именно это подразумевается под категорией новое качество экономического роста, обязательно вызывает нарушение баланса социально-экономических интересов, активизации борьбы различных социальных групп и классов за оптимизацию реализации своих интересах в новых политико-экономических реалиях. Неучет этого может привести к обострению классовой борьбы, что сегодня наблюдается даже в таких экономически благополучных и технологически развитых странах как Франция и Германия. В свое время С. Ю. Солодовников писал по этому поводу: «Для ускоренного перехода республики (*Республики Беларусь – примечание В.К., В.Г.*) к новому технико-технологическому укладу (*к новому качеству экономического роста – примечание В.К., В.Г.*) и для оптимизации воздействия научно-технического прогресса на общество в направлении усиления социальной направленности и экономической эффективности белорусской рыночной экономики необходимо, чтобы государство приняло на себя задачу регулирования изменения инновационной социально-классовой структуры общества <...>, что будет способствовать преимущественно инновационному экономическому росту и устойчивому развитию страны» [17, с. 445].

Таким образом, категорию новое качество экономического роста можно определить как политико-экономический и социально-институциональный

феномен, характеризующийся революционным преобразованием экономической системы общества на основе новейших технико-технологических и социально-функциональных технологий, усилением роли человеческого, социального, культурного и экологического капиталов, сопровождаемое радикальным изменением расстановки социально-классовых сил и значительным усложнением механизмов адаптации национальных и мировой экономики к новым быстроменяющимся условиям жизнедеятельности.

Технологические обмены между государствами-членами ЕАЭС не являются самоцелью, а направлены на совместное развитие реального сектора национальных экономик и обеспечение их скорейшего перехода к новому качеству экономического роста. Л. П. Васюченко подчеркивает, что «в современной экономике важным источником знаний и технологий служит интеграция в мирохозяйственные связи и деятельность предприятий с иностранными инвестициями» [18, с. 89–90]. Вместе с тем по степени интегрированности промышленных комплексов этих стран можно с высокой степенью вероятности судить о том, насколько развиты между ними технологические трансферы. Следует особо подчеркнуть, что без единой промышленной политики в ЕАЭС интенсивность технологических обменов между государствами-членами будет незначительна. Остановимся на этом подробно.

Согласно ст. 62 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., «в рамках Союза проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов» [19]. А. Г. Лукашенко обозначил переход к согласованной, а в перспективе и к единой промышленной политике в качестве одной из основных задач функционирования ЕАЭС, в 2015 г. [20]. Согласно Решению Евразийского Межправительственного Совета 8 сентября 2015 г., основными задачами сотрудничества в промышленном секторе ЕАЭС являются: «увеличение темпов роста и объемов промышленного производства в

государствах-членах ЕАЭС; развитие кооперационного сотрудничества; увеличение доли продукции государств-членов на общем рынке ЕАЭС и стремление к поэтапному повышению ее локализации; развитие производств новой конкурентоспособной продукции, ориентированной на экспорт, модернизация действующих производств с созданием новых инновационных секторов промышленности государств – членов ЕАЭС; устранение барьеров на пути движения промышленных товаров на общем рынке ЕАЭС; привлечение инвестиций и повышение доступности финансовых ресурсов» [21].

В многочисленных публикациях по вопросам интеграции стран ЕАЭС с разных сторон анализируются и обсуждаются возможности и перспективы, которые открываются для промышленных комплексов стран участниц при условии проведения согласованной экономической политики в ЕАЭС. Так, С. Ю. Глазьев отмечает, что «дальнейший экономический эффект интеграции будет определяться результатами формирования общей политики развития» [22]. В ЕЭК (2015 г.) рассчитали, что «потенциальный эффект влияния интеграции на уровень ЕАЭС, оценивается в \$210 млрд. ... Эффект от участия в союзе к 2030 году для государств-членов оценивается в 13 % дополнительного прироста ВВП» [23]. В основном, полезный эффект предполагается достичь за счет расширения рынков сбыта, снижения транзакционных издержек через устранение таможенных и технических барьеров, повышением инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, ориентированных на общий рынок ЕАЭС.

Действительно, совокупный рынок пяти стран насчитывает около 182 млн. чел. (92,8 млн. из которых составляет экономически активное население), совокупный ВВП в 2014 г. достиг 2193,4 млрд. долл., совокупное промышленное производство – 1362,5 млрд. долл., [24] что делает ЕАЭС достаточно крупным интеграционным объединением. В структуре промышленности ЕАЭС Российская Федерация обеспечивает 87 % объема промышленной продукции; Республика Казахстан – 7,4 %; Республика Беларусь – 5 %; Республика Армения – 0,3 %; Республика Кыргызстан – 0,3 %. Общий рынок промышленной

продукции ЕАЭС является достаточно емким (по некоторым оценкам порядка 912 млрд. долл. (по итогам 2013 г. без учета продуктов нефтепереработки)) [25] и несомненно может послужить базой для ускорения роста промышленного производства стран-участниц. Для сравнения, общий объем промышленного производства ЕАЭС в 2013 г. составлял 1491 млрд. долл. [24]. Структура промышленного производства в целом и обрабатывающей промышленности стран ЕАЭС в частности имеет существенные различия, в то же время экономики бывших союзных республик обладают высокой степенью комплементарности, а значит, повышение уровня промышленного сотрудничества в ЕАЭС имеет объективные исторические и экономические предпосылки.

Известно, что процесс экономической интеграции в своем развитии от простой торговли товарами и услугами к перемещению капиталов и созданию совместных производств через производственную и научно-техническую кооперацию, развиваясь, требует повышения степени согласования на межгосударственном уровне. Очевидно, что проведение согласованной промышленной, равно как и любой другой совместной политики, предполагает более высокий уровень интеграции между странами, качественно иной уровень взаимодействия не только глав государств, но, прежде всего, субъектов хозяйствования. Согласно одному из фундаментальных положений экономической науки, развитие экономических интеграционных процессов, протекает от простого к сложному, и переход на новый уровень является закономерным результатом углубления международного разделения труда [26]. Из вышесказанного следует, что для реального изменения качества экономических взаимоотношений одной лишь политической воли руководства стран ЕАЭС и теоретического обоснования возможных выгод совершенно недостаточно.

Анализ актуальных статистических данных ЕАЭС свидетельствует, что даже самая простая форма интеграционного взаимодействия (интеграция рынков товаров, услуг, капитала) пока полностью не реализована и на своем огромном и перспективном рынке страны ЕАЭС занимают положение аутсайдеров. Экспорт

товаров во внешней торговле со странами, не состоящими в ЕАЭС, в 2014 г. составил 555,6 млрд. долл., импорт товаров во внешней торговле со странами вне ЕАЭС – 317,5 млрд. долл., взаимная торговля – 63,1 млрд. долл., т. е. объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 13,8 раза меньше, чем их товарооборот с третьими странами. На практике доля взаимного товарооборота стран ЕАЭС составляет 12,6 % их общего товарооборота [24]. Для сравнения, доля взаимного товарооборота стран ЕС составляет 60,8 %, стран АРЕС – 67,4 %, в НАФТА – 40,03 %, АСЕАН – 24,5 %, СНГ – 21,3 % [27].

Вместе с тем положительным моментом является тот факт, что взаимная торговля стран ЕАЭС имеет более высокую степень диверсификации структуры товаров, чем торговля с остальным миром. Если во внешней торговле минеральные продукты составили 73,3 % экспорта, то во взаимной торговле – 31,1 %. Доля машин, оборудования и транспортных средств составляет в общей взаимной торговле ЕАЭС достигла 20,8 %, тогда как в совокупном внешнем экспорте – 2,7 %.

Взаимный экспорт продукции обрабатывающей промышленности стран ЕАЭС в 2014 г. занял лишь 4,6 % общего рынка [21]. Наиболее емкие и стратегически важные сегменты общего рынка оказались заняты импортной продукцией. Так, в сегменте транспортных средств и оборудования взаимные поставки составили 3,3 % от емкости рынка, импорт из третьих стран – 55,2 %; машин и оборудования – 4,3 % и 54,1 % соответственно; по легкой промышленности взаимные поставки – 6,8 %, импорт из третьих стран – 64,1 %, в машиностроении взаимные поставки – 3,9 %, импорт из третьих стран – 47 %, по фармацевтической продукции взаимные поставки – 1,5 % импорт из третьих стран – 71,8 % [28]. Приведенные данные свидетельствуют о низком уровне текущего состояния торговли, промышленного сотрудничества и кооперации в ЕАЭС. В динамике, начиная с 2012 г., взаимный товарооборот стран ЕАЭС стремительно снижается. В 2014 г. товарооборот России с Беларусью сократился на 7,8 %, с Казахстаном на 10,5 %, с Кыргызстаном на 15,1 % [29]. Таким образом, заявленный в международных соглашениях ЕАЭС уровень интеграции

и промышленного взаимодействия пока крайне слабо реализован на практике, причем тенденция к его повышению не прослеживается.

Для нашего исследования важно отметить не столько процент падения объемов взаимной торговли, сколько сам факт отсутствия активного роста торговли и промышленного сотрудничества между странами ЕАЭС в условиях практически полного снятия торговых ограничений.

Об отсутствии серьезных торговых ограничений свидетельствует анализ, проведенный Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития в 2014 г., в исследовании участвовали 530 организаций-экспортеров России, Казахстана и Беларуси [30]. Данные исследования показали, что основными барьерами, ограничивающими торговлю промышленной продукцией в ЕЭП, являются технические ограничения (необходимость сертификации продукции, соблюдения производственных стандартов, дополнительные налоги и сборы в стране назначения). Негативную роль нетарифных барьеров в формировании ассортимента экспортируемой продукции отметили менее 5 % респондентов. Моделирование эффектов снижения нетарифных барьеров между Россией, Казахстаном и Беларусью показало, что в среднесрочной перспективе реальный ВВП Беларуси может возрасти на 2,8 %, прирост реального ВВП Казахстана составит 0,7 %, ВВП России вырастет на 0,2 % [30]. Из вышесказанного следует, что дальнейшая либерализация торговли может способствовать лишь незначительному улучшению внутрисоюзной рыночной конъюнктуры, однако к активному росту взаимной торговли, промышленного, инвестиционного и инновационного сотрудничества она не приведет.

М. Ю. Ильина пишет по этому поводу, что «прекращение роста взаимной торговли говорит о том, что первый эффект интеграции – снятие таможенных барьеров – достигнут. Без единой промышленной стратегии и согласованной инновационной программы общий рынок может быть освоен не столько отечественными товаропроизводителями, сколько иностранными» [31]. Интеграционное взаимодействие в ЕАЭС предполагает постепенное повышение уровня четырех свобод: движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Естественно считать, что, развивая идею интеграции, правительства стран участниц (как субъекты промышленной политики своей страны) руководствуются интересами своей страны. Особенности и текущее состояние экономики каждой страны обуславливает наличие своих собственных интересов. Интеграционная практика показывает, что общие для всех стран ЕАЭС интересы пока не сформированы. Даже такие, казалось бы, общие интересы как расширение рынка сбыта и рост объема промышленного производства для каждой страны является частным и рассматриваются с точки зрения своей продукции. Многие из национальных интересов вступают в противоречие друг с другом. Эта проблема требует незамедлительного решения, на основе «учета интересов индивидов и различных социальных общностей в целях организации и наиболее эффективного вовлечения их в общественное производство» [13]. В противном случае влияние ЕАЭС на технологические обмены стран-участниц будет незначительным.

С точки зрения увеличения экспорта (расширения рынка сбыта) наибольший интерес практически для всех участников ЕАЭС представляет Россия, ее доля в общем объеме экспорта стран участниц колеблется от 8 % для Казахстана (его интерес здесь минимален) до 42,1 % для Беларуси (у которой интерес к торговле с Россией выше всех). В свою очередь для России наиболее значимым партнером из стран ЕАЭС является Беларусь, однако даже ее удельный вес составляет 4 % в общем объеме российского экспорта, для сравнения, на долю Нидерландов пришлось – 13,7 %, Германии – 7,5 %, Китая – 7,5 %, Италии – 7,2 %, Турции – 4,9 % [32]. В структуре импорта Российской Федерации Китай занимает 17,8 %, Германия – 11,5 %, США – 6,5 %, Италия – 4,4 %, Япония – 3,8 %, Франция – 3,8 %. Казахстан, несмотря на значительный удельный вес в общем объеме промышленного производства ЕАЭС, с точки зрения экспорта представляет значительный интерес только для Кыргызстана (26,6 %), как для Беларуси, так и для России его доля не превышает 3 %. Совокупный экспорт Казахстана в страны ЕАЭС составляет 9 % от всего экспорта, тогда как в Италию – 22 %, Китай – 13,4 %, Нидерланды – 11,9 %, Швейцарию –

6,2 %, Турцию – 3,1 % [33]. Таким образом, наиболее тесные экономические отношения сложились между Россией и Беларусью.

Как уже отмечалось ранее, наибольший интерес к экономической интеграции и либерализации взаимной торговли испытывают экспортеры продукции. Сопоставив это положение с крайне низким удельным весом стран участниц ЕАЭС в общем объеме экспорта России, становится очевидно, что ее основной интерес к интеграции кроется вне сферы торговых отношений. Сходный вывод напрашивается и в отношении Казахстана. Некоторые исследователи отмечают, что ЕАЭС выгоден России, в контексте геоэкономических, геополитических интересов, а также формирования внутренних замкнутых технологических цепочек, не зависящих от «партнеров» из ЕС и США [34].

Если интеграция имеет своей целью лишь увеличение экспорта, то для России и Казахстана целесообразнее было бы продвигать идею общего рынка с Китаем. Особенно это актуально для Казахстана и России. Китай занимает 48,1 % в общем объеме экспорта, и 62,1 % импорта стран ЕАЭС. Вместе с тем формирование согласованной промышленной политики стран-участниц ставит своей целью не только увеличение доли промышленной продукции государств-членов на общем рынке ЕАЭС, но также активизацию инвестиционной и инновационной деятельности. В этой связи, целесообразно исследовать уровень взаимодействия в этой области.

Как свидетельствует статистика, в 2013 г. в ЕАЭС функционировало 10,1 тыс. совместных предприятий с участием капитала из стран ЕАЭС, в т. ч. в Беларуси – 2840 предприятий, в Казахстане – 3299, в России – 3949. Объем накопленных взаимных инвестиций в ЕАЭС составил почти 24 млрд. долл. США, в т. ч. в Армению – 2,2 млрд. долл., в Беларусь – 7,9 млрд. долл., в Казахстан – 9,3 млрд. долл., в Кыргызстан – 1,2 млрд. долл., в РФ – 3,4 млрд. долл. [28].

Исходя из удельного веса организаций с участием капитала стран ЕАЭС в общем количестве организаций с участием иностранного капитала Беларусь

является наиболее интегрированной со странами ЕАЭС (93,2 %, причем 89,7 % – это предприятия с российским капиталом), существенно ниже этот показатель в Казахстане 38,4 % (предприятия с российским капиталом 34,6 %), для России этот показатель на уровне 17,4% (14 % – предприятия с белорусским капиталом), доля участия России высока и для Кыргызстана (8,9 %) и Казахстана (6,7 %).

Взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС в 2014 г. возросли с 24,8 до 25,1 млрд. долл., т. е. на 1,2 %. В 2014 г. в Россию поступило 83,96 % от всех инвестиций внутри ЕАЭС и 12,9 % инвестировала сама Россия. Для Казахстана аналогичные показатели составили 14,2 % и 36,4 % соответственно. При этом удельный вес взаимных инвестиций России и Казахстана составил 47,6 %. Вторую по значимости пару стран с развитыми встречными потоками инвестиций составили Беларусь и Россия (34,5 %). Доминирующие отрасли взаимных инвестиций в ЕАЭС – топливный комплекс и цветная металлургия [35].

Удельный вес взаимных прямых инвестиций стран ЕАЭС в стоимости основных средств страны показывает высокий уровень влияния Российского капитала в экономике Армении (25,6 %), средний уровень в Беларуси (4,7 %), Кыргызстана (4,7 %) и Казахстане (3,3 %), наблюдается также средний уровень влияния Казахстанского капитала в Кыргызстане (4,8 %).

В то же время, накопленные прямые инвестиции Китая в Россию, Беларусь и Казахстан увеличились с 2009 по 2013 гг. с 11 до 24,7 млрд. долл. (на 6,1 % в год в среднем). На Казахстан пришлось 91,5 % из них. Подавляющая их часть (72 % в России, 99 % в Казахстане) была инвестирована в топливный комплекс (добычу нефти, природного газа и их транспортировку) [36]. Анализ торгово-инвестиционной экспансии китайского бизнеса выходит за рамки настоящего исследования, тем не менее нельзя не указать на наличие настолько серьезного конкурента, который, не являясь членом ЕАЭС, успешно осуществляют «интеграцию снизу».

В основе евразийской экономической интеграции несомненно заложены принципы взаимной выгоды и комплементарности экономик, однако различие

производственных потенциалов стран, разноскоростной и разноуровневый характер их формирования и развития, невозможность быстрого изменения структуры промышленного производства в стране, а также диалектическая взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных тенденций существенно осложняет процесс [26]. Так, анализ национальных программ развития промышленных комплексов России, Беларуси и Казахстана, проведенный экспертами ЕЭК, показал, что хотя все они нацелены на создание высокопроизводительных рабочих мест, приоритетного развития стратегически важных отраслей, программы развития во многом совпадают в части методологии решения, проблемных вопросов развития промышленности, определения целей и задач, инструментов и механизмов государственной политики в промышленности, однако является совершенно автономными. Каждая из стран стремится повысить объемы производства и экспорта на общий рынок по аналогичным видам продукции. Страны ЕАЭС, рассматривая рынки друг друга в качестве экспортных, свои национальные рынки стремятся закрыть, в т. ч. через программы импортозамещения.

При этом стремление к формированию общего внутреннего рынка носит декларативный характер. Приоритеты развития промышленных комплексов по отраслям также имеют высокую степень идентичности, хотя различия, предусматривающие разную специализацию на отдельных видах продукции, могли бы стать основой для углубления международного разделения труда, которое, в свою очередь, является необходимым условием развития международной интеграции. Высокую степень пересечения имеет также экспорт продукции за пределы ЕАЭС. Это ведет к нежелательной конкуренции и противостоянию между производителями и, с учетом осуществляемой государственной поддержки соответствующих отраслей, к усилению противоречий между правительствами стран ЕАЭС [37]. Наиболее яркими примерами такого противостояния в промышленности являются ОАО «МАЗ» и ПАО «КАМАЗ», которые являются прямыми конкурентами в секторе грузовых автомобилей, прежде всего на рынке ЕАЭС, так же как холдинги «Гомсельмаш»

и «Ростсельмаш» – на рынке сельхозтехники [25].

Многочисленные взаимные претензии и разногласия, часто возникающие в практике экономического взаимодействия, на наш взгляд, демонстрируют серьезные внутренние противоречия самого процесса «интеграции сверху», когда заключенные межправительственные соглашения, вполне соответствующие общенациональным интересам стран ЕАЭС, вступают в противоречие или не в полной мере отражают интересы реального сектора интегрируемых экономик. Основные противоречия, возникшие в процессе интеграции стран ЕАЭС, на современном этапе носят не отраслевой, конъюнктурный, а макроэкономический, системный характер и могут быть определены следующим образом:

1. Формализация процесса интеграции через создание большого количества интеграционных объединений, существующих на постсоветском пространстве и размытость принципиальных отличий одного от другого.

2. Явное несоответствие нарастающего количества подписанных межправительственных соглашений («интеграции сверху»), сокращающейся активности экономического взаимодействия стран ЕАЭС («интеграции снизу»).

3. Политический характер многих интеграционных инициатив, несмотря на декларируемые экономические цели.

4. Противоречие интересов национальных производителей, которое выражается в периодически возникающих «молочных», «сахарных» и других торговых конфликтах между Россией, Беларусью и (реже) Казахстаном, с активным использованием нетарифных методов регулирования, несмотря на отсутствие таможенной границы.

5. Неготовность сторон ЕАЭС к свободному экономическому взаимодействию без изъятий и ограничений (по отдельным позициям решение вопроса отложено до 2025 г.).

Обозначенные выше проблемы, характеризующие противоречия в интеграционных процессах являются одновременно и задачами, которые необходимо решить, и исходными факторами формирования согласованной

промышленной политики, расширения технологических обменов между государствами-участниками ЕАЭС. По своему определению, согласование предполагает достижение общего согласия между группой заинтересованных лиц по поводу принятия общего решения, проведения совместных действий [38]. Вместе с тем, «в рамках постсоветского пространства политическая, духовная, социально-экономическая консолидация стран сегодня во многом затруднена не наличием объективного несовпадения у них некоторых экономических интересов (экономические интересы полностью не совпадают даже в семьях), а отсутствием у руководства Российской Федерации системной геополитической доктрины» [39, с. 14].

Проведенное исследование подтверждает гипотезу, что новая технологическая парадигма распространяется неравномерно от сектора к сектору через индустриальную структуру, и географически в каждой стране и во всем мире не автоматически. Стратегия «догоняющего развития» в случае ее абсолютизации ведет к сохранению роли страны как мировой технологической и экономической периферии, а значит и к консервации уровня благосостояния ее населения, которое в результате всегда будет существенно ниже, чем в технологически развитых странах. Задачей государства в сфере международных технологических трансферов является создание условий для использования любого своего преимущества в целях создания платформы для инноваций и выгодного использования имеющихся возможностей.

Основной экономический эффект от создания ЕАЭС заключается в расширении рынков сбыта стран-участниц, снижении транзакционных издержек через устранение таможенных и технических барьеров, привлечении прямых иностранных инвестиций из третьих стран. Однако, в настоящий момент наблюдается крайне низкий уровень взаимной торговли, производственной кооперации и взаимного инвестирования в промышленной сфере. Наиболее емкие и стратегически важные сегменты общего рынка промышленной продукции оказались заняты импортом из третьих стран. Рассматривая рынки друг друга в качестве экспортных, страны ЕАЭС, стремятся закрыть свои

национальные рынки, в т. ч. через программы импортозамещения, а стремление к формированию общего внутреннего рынка ЕАЭС носит декларативный характер. Проведение согласованной промышленной политики в ЕАЭС может значительно усилить технологические обмены.

Список литературы

1. Байнев, В. Ф. Проблемы и перспективы инновационного развития промышленного комплекса Евразийского экономического союза / В. Ф. Байнев, В. Т. Винник // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 136–145.

2. Гурский, В. Л. Эндогенные факторы, обуславливающие развитие промышленной политики Беларуси в современных условиях / В. Л. Гурский // *Экономическая наука сегодня*: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 35–42.

3. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки.* – 2016. – № 5. – С. 12–16.

4. Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С. Ю. Солодовников // *Вест. Полоц. гос. ун-та. Серия Д: Экономические и юридические науки.* – 2011. – № 14. – С. 2–8.

5. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев, Ю. В. Яковец, Л. И. Абалкин // *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды.* – М.: Экономика, 2002. – 768 с.

6. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – 232 с.

7. Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // *Экономическая наука*

сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238.

8. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

9. Васюченко, Л. П. Трансфер технологий как экономический ресурс / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 15–22.

10. Новое качество экономического роста: эффективность и основные показатели [Электронный ресурс] // Экономика : конспект лекций. – Режим доступа: <http://economics-konspekt.org/?content=3878>. – Дата доступа: 28.06.2016

11. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 74–91.

12. Солодовников, С. Ю. Категория «социальный класс» в контексте политико-экономического наследия П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилева / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 24–50.

13. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.

14. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С. 32–41.

15. Солодовников, С. Ю. Политико-экономическое исследование сущности социального капитала / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2012. – № 1. – С. 14–20.

16. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой,

таможенной и криминалистической экспертизы» : сборник научных работ / под ред. Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ. – 2015. – № 6 – С. 50–55.

17. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.

18. Васюченко, Л. П. Особенности трансфера технологий в белорусской экономике / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 84–94.

19. Договор о Евразийском экономическом союзе г. Астана, от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union>. – Дата доступа: 25.12.2015.

20. Лукашенко, А. Г. Обращение к главам государств – членов Евразийского экономического союза 13 января 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-ekonomicheskogo-sojuza-10649. – Дата доступа: 25.12.2015.

21. Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Решение Евразийского Межправительственного Совета 8 сентября 2015 г. № 9 г. Гродно [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=f91500234. – Дата доступа: 22.12.2015.

22. Глазьев, С. Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции / С. Ю. Глазьев // Финансовый бизнес. – 2013. – № 2 (163). – С. 2–12.

23. Прирост ВВП стран ЕАЭС от участия в союзе к 2030 году может

составить 13 % [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/prirost-vvp-stran-eaes-ot-uchastija-v-sojuze-k-2030-godu-mozhet-sostavit-13-168388-2015>. – Дата доступа: 20.12.2015.

24. Государства – члены Евразийского экономического союза в цифрах: статистический ежегодник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_akroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2015.pdf. – Дата доступа: 20.12.2015.

25. Михалевич, И. Кооперативный соблазн для евразийской промышленности [Электронный ресурс] / И. Михалевич // Экономическая Газета. – Режим доступа: http://www.neg.by/publication/2015_05_19_19654.html?print=1. – Дата доступа: 20.12.2015.

26. Бровко, Н. А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Н. А. Бровко. – Бишкек, 2011. – 330 л.

27. База данных региональной интеграции [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. – Режим доступа: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/projects_cii/index.php?id_4=41398&linked_block_id=0. – Дата доступа: 20.12.2015.

28. Сидорский, С. С. Промышленное сотрудничество в ЕАЭС – мощный фактор экономического развития / С. С. Сидорский [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html>. – Дата доступа: 20.12.2015.

29. О состоянии внешней торговли в 2014 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b09_03/isswww.exe/stg/d05/35.htm. – Дата доступа: 20.12.2015.

30. Оценка экономических эффектов отмены нетарифных барьеров в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. – Режим доступа:

http://www.eabr.org/general/upload/СП%20-%20izdania/2015/НТБ-29/doklad_29_preview.pdf. – Дата доступа: 20.12.2015.

31. Ильина, М. Ю. Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] / М. Ю. Ильина // Сайт webeconomy.ru. – Режим доступа: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3231&type=news>. – Дата доступа: 20.12.2015.

32. Россия в цифрах. 2015 [Электронный ресурс] // Крат. стат. сб. Росстат / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/. – Дата доступа: 20.12.2015.

33. Внешняя торговля Республики Казахстан по странам [Электронный ресурс] // Статистические таблицы ЕЭК / Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2014/12_180.aspx. – Дата доступа: 20.12.2015

34. Барышников, Д. Экономическая необходимость в интеграции ЕАЭС [Электронный ресурс] / Д. Барышников // Форум молодых евразийских лидеров. – Режим доступа: eurasiaforum.ru/blog/185. – Дата доступа: 20.12.2015.

35. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ [Электронный ресурс] // ЦИИ ЕАБР / Евразийский банк развития. – СПб, 2015. – Режим доступа: https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-sng-2015/?sphrase_id=14571. – Дата доступа: 11.01.2014.

36. Винокуров, Е. Инвестиции Китая в экономики стран-участниц ЕАЭС? [Электронный ресурс] / Е. Винокуров // Евразийский банк развития. – Режим доступа: <https://eabr.org/press/comments/investitsii-kitaya-v-ekonomiki-stran-uchastnits-eaes/>. – Дата доступа: 20.12.2015.

37. О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности [Электронный ресурс] // Аналитическая справка / Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа:

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/siteassets. –

Дата доступа: 11.01.2014.

38. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.

39. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник Гродненскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2011. – № 2 (120). – С. 10–25.